

55 ЛЕТ УНИЧТОЖЕНИЯ ФАШИСТАМИ УЗНИКОВ ЕВРЕЙСКИХ ГЕТТО НА ТЕРРИТОРИИ ЛУНИНЕЦКОГО РАЙОНА

В книге «Память. Лунинецкий район» прочел скупые, но трагические строки «Акта расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Лунинецкого района Пинской области», составленного в апреле 1945 года, и списки уничтоженных узников гетто. Многих из них я знал.

О тех событиях написано мало, свидетелей становится все меньше. То, о чем хочу рассказать, — личные воспоминания десятилетнего мальчика. Пусть те, кому события виделись по-иному, кто знает о других фактах, дополнит меня.

История лунинецких евреев написана у нас пока фрагментарно. В «Памятной книжке Минской губернии» за 10-е годы XX века вспоминается еврей Гофштейн — владелец аптеки и аптечного склада в Лунинце. В 20-х — начале 30-х годов было построено большинство каменных зданий, принадлежащих евреям (многие стоят поныне), открыты лавки, пекарни и т.п. Еврейская часть населения города имела свои синагоги, религиозные школы, банк, бани, культурные общества, библиотеку, клуб и даже футбольную команду. Евреи жили своей традиционной жизнью, одновременно способствуя благополучию и развитию города.

В 1940 году количество горожан еврейской национальности увеличилось более чем на тысячу человек. Произошло это так. После оккупации фашистами Польши и вхождения Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР 14 октября 1939 года Совнарком принял решение об обмене польскими военнопленными

немецких чиновников отправленные в Советский Союз. Приехавшие не ожидали торжественной встречи, а городские власти не ожидали приезда беженцев.

Так в городе появилась почти тысяча новых жителей, которых надо было расселить, накормить и устроить на работу. Среди беженцев были врачи и медсестры, работники банков, несколько адвокатов, бывших владельцев магазинов и типографий, служащие различных контор, модистки, портнихи и т.д. Обеспечить сразу всех работой по специальности было трудно — чтобы прокормиться, новоселы пустили в продажу модные пальто и платья, нижнее женское белье и зонтики, электрические утю-

ги за город, а остальных заставили катить по улицам пустые металлические бочки из-под бензина, подгоняя их палками. Многих просто погнали прикладами и палками по Широкой (ныне Красной) улице за город. Там, возле базы «Заготсено», недалеко от старого пинского пути и небольшого озерца Мочуло (ныне оно не существует), евреев заставили копать ямы и ложиться рядом, затем стреляли им в затылок. Убитых их товарищи сбрасывали в ямы и ложились на то же место. Район был оцеплен полицией и шуцманами, расстрелы шли у нескольких ям. Как рассказывали сами полицейские, были попытки бегства и сопротивления с лопатами в руках. Но

что творилось в семьях убитых! Вспоминать об этом страшно.

Осенью 1941 года в районе треугольника улиц Окружной, Объездной (ныне М.Горького) и Широкой (Красной) оккупационные власти создали еврейское гетто. Его территорию обнесли деревянным забором и ограждением из колючей проволоки, между которыми была двухметровая «мертвая зона»: надписи предупреждали, что во взрослого либо ребенка, зашедшего в эту зону, будут сразу стрелять. Со стороны Красной на Окружной (ныне на этом месте стоит новый каменный дом) были сооружены ворота, оплетенные колючей проволокой, поставлены небольшая

ногурский, еврей Трибух или Капланский, белорус Прокопович и я — русский — вместе проводили время в компании таких же детей с утра до позднего вечера. А теперь в одно мгновение оказались по разные стороны колючей проволоки, которая разделила нас на узников гетто и тех, кто жил вне этого страшного слова. Грустно было смотреть, как наши вчерашние друзья молча, с тоской в глазах стояли у забора и смотрели сквозь его щели на улицу, на нас. Как могли, мы им помогали. Выстреливали из рогаток через улицу яблоками, сливами, огурцами, хлебом, картошкой. Не всегда эти стрельбы кончались для нас благополучно. Полиция бдительно следила за «порядком». Был среди них молодой парень из деревни, особенно вредный. Он-то и подловил Прокоповича, когда тот стрелял огурцами в гетто. «Цуцик», как называли в городе полицейских, избил мальчика и отвел к родителям, пригрозив на будущее.

Ежедневно из гетто в город на разные работы отправлялись небольшие группы евреев. Одни работали в швейных мастерских вермахта, другие чинили обувь солдатам, третьи плотничали, работали в кузнице, грузили уголь и дрова, чинили дороги, словом, выполняли массу необходимых для немецкой администрации работ. У евреев этих рабочих команд всегда были с собой какие-то носильные вещи, домашняя утварь, которые они меняли на продукты у местного населения. Охрана смотрела на обмен сквозь пальцы — видимо, не без пользы для себя.

При этих встречах горожане узнавали о жизни в гетто, о смерти

УБИЙСТВО

ги, ручные часы, кипятильники и т.п. Эти вещи быстро раскупались горожанами, особенно в новинку были для жен командиров Красной Армии.

Мне известны только несколько фамилий польских евреев — хирург Лихтенштейн с женой, модистка Регина с мужем Метэком — семейство Котэк проживало у нас на квартире, их друзья Бароны (муж, жена и две дочери, одну из которых звали Эмилией), бывший варшавский уличный фотограф Альфред Кац (часто приходил играть в карты).

И вот настал июльский день 1941 года, когда началась оккупация, а с ней — события, которые не снились людям даже в страшных снах. Только несколько лунинецких евреев успели эвакуироваться на

силы были слишком неравными.

В этой первой группе расстрелянных лунинецких евреев были главный раввин города Юдель Здилер, известный врач Гурвич (его дом стоит на углу улиц Советской и 50 лет Октября), отец известного в городе футболиста Фишки Муляра Ицко, награжденный в конце 30-х годов бронзовой медалью за заслуги перед Лунином, и много-много других. А вот фамилии варшавских беженцев сегодня установить уже нельзя.

Пока за городом расстреливали евреев, в самом Лунинце была устроена организована облава на тех, кто не явился к управе. Полицейские и солдаты не пропустили ни одного двора, сада и огорода, ни одной улицы или переулка. К сожалению,

вышка и помещение для часовых. Несколько часовых прохаживались вдоль забора гетто. Все не еврейское население было заранее выселено из этого района — переселенцам дали другие квартиры, они могли взять с собой свое имущество.

Еврейские же семьи были переселены в гетто внезапно. На небольшую территорию, где было не так и много домов, в один день согнали всех еврейских жителей города. Не все смогли или успели взять с собой какую-то мебель, посуду, домашнюю утварь, необходимые вещи. Насильное переселение сопровождалось плачем, криками, побоями. Евреев гнали в гетто солдаты специальных команд вермахта, шуцманы и местные полиция. Переселение

мене польскими военнопленными с Германией — в зависимости от места рождения этих пленных. В ходе обмена было принято от Германии 13544 человека, передано ей 37133 человека. Через Лунинец прошло несколько таких "обменных" эшелонов на Украину. Луничан в них оказалось всего несколько человек.

В феврале 1940 года лунинецкие партийные, городские и военные власти, представители горожан с оркестром на перроне вокзала встречали очередной эшелон из Германии. Подошел поезд из 10-12 классных вагонов (такие вагоны имели отдельный вход в каждое купе). Но на перрон сошли всего пятеро бывших солдат польской армии (из Вульки 1, Кожан-Городка, Лугов и Гаврильчиц). Их торжественно встретили, ожидая остальных. Но на платформу вышли многочисленные пассажиры, совершенно не похожие на военных, — в модной одежде, шляпах, с кожаными чемоданами и сумками. Это были беженцы из Варшавы и других польских городов, волей судьбы, а вернее волей

ких евреев успели эвакуироваться на восток. Практически все беженцы из Польши остались в Лунинце. В отличие от местных евреев, они уже отлично представляли себе весь ужас и безысходность своего положения: наша квартирантка Регина не раз говорила, что если придут немцы, евреям не выжить.

Через 1-2 недели после прихода фашистов был издан приказ полевого коменданта города и городских властей о том, что все евреи лишаются недвижимого имущества, всех гражданских прав, должны ходить не по тротуарам, а по обочине дороги, в однодневный срок обязаны пришить на левой стороне груди и на спине отличительный знак — желтый круг (вскоре замененный желтой шестиконечной звездой). Помню, как к нам в дом в поисках желтого материала прибежали соседки-еврейки.

Однажды в августе 1941 года всем мужчинам-евреям было приказано придти к городской управе с лопатами, пилами и топорами "для работ и проверки документов". Собралось более тысячи мужчин и подростков. Тех, кто пришел с инструментами, тут же пове-

улицы или переулки. К сожалению, фашистам помогали не только луничане-полицейские, но и отдельные добровольные усердные помощники из гражданских лиц. На Красной улице "отличились" два молодых парня-брата, которые с палками в руках шарили по огородам. Облава дала свои результаты — было поймано около 40-50 мужчин, которых тоже расстреляли за городом.

До этого в городе уже были расстрелы — на Бохонове (где ныне Курган Славы). То место прозвали в народе "Бензинкой", потому что до войны там был склад горючего, в землю закопаны баки с бензином (при отступлении Красная Армия взорвала их — теперь немцы использовали ямы под могилы). Тут в июле 1941 года были расстреляны раненые бойцы из городской больницы и какие-то гражданские лица, но это были не столь массовые расправы и "не столь наглядные". Первая же массовая казнь евреев вызвала в городе шок. Лунинец притих, съезжился. Особое впечатление произвел рассказ полицейских, как Яков Гринштейн на коленях, плача, умолял одного из них о пощаде, а его избивали палками и потом расстреляли. А

ны и местные полицаи. Переселение проходило не так организованно, как хотелось немецкой администрации: люди убегали, прятались; надеясь переждать смуту и затем выжить вне гетто. Но я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то тогда спасся. Полицаи находили беглецов на чердаках, в сараях, погребках, на огородах, избивали и отправляли за колючую проволоку. Недалеко от нас жила семья Трибух. Они собрали вещи, перешли через улицу в гетто, но не все. Одна из женщин залезла в русскую печь, закрылась заслонкой и просидела в укрытии почти весь день, пока ее не обнаружил полицай. Подгоняемая страхом, эта полная женщина сумела втиснуться в печь, а вот вытащить ее оттуда не смогли двое полицаев. Тогда они разбили кладку. Таких случаев в городе было много.

Жизнь в гетто была тяжелой. Не хватало еды, питьевой воды, так как на столь большое скопление народа оказалось мало колодцев. Но главное — у людей отняли свободу. Особенно это чувствовали дети. Еще вчера мы, все мальчишки улицы, играли вместе, что-то мастерили, лазили в чужие сады, дрались между собой, но никогда не возникало у нас национальных проблем. Поляк Тар-

нави о жизни в гетто, о смерти своих знакомых — ведь в предвоенном Лунинце почти все знали друг друга, если не в лицо, то заочно. Сегодня уже не помню фамилий тех, кто от безысходности, унижений, тяжелого бытия повесился или отравился, — о таких случаях рассказывали евреи из рабочих команд.

Первой жертвой поздней осенью 1941 года стала наша квартирантка. Сегодня трудно установить истину, но тогда рассказывали так: Регина Котэк привезла из Польши дорогое кольцо с бриллиантом и сумела сохранить, а потом предложила его кому-то из охраны в обмен на свою свободу. Об этом узнали в тайной полиции. При возвращении рабочей команды из города возле ворот гетто женщину подвергли унижительному обыску. Кольца не нашли. Ее начали избивать, в ответ Регина ударила начальника СД по физиономии и тут же была им застрелена.

Лунинецкое гетто просуществовало год. И наступил сентябрь 1942-го...

Л.КОЛОСОВ.

(Окончание следует).

- Кооператив портных. Лунинец, 1908 год.
- Футбольная команда "Маккаби". Лунинец, 1922 год.
- Лунинецкий раввин (второй слева).

Иллюстрации из книги "ИЗКОР (В ПАМЯТЬ)", изданной в 1952 году в Тель-Авиве Обществом выходцев из Лунинца — Кожан-Городка в Израиле.

